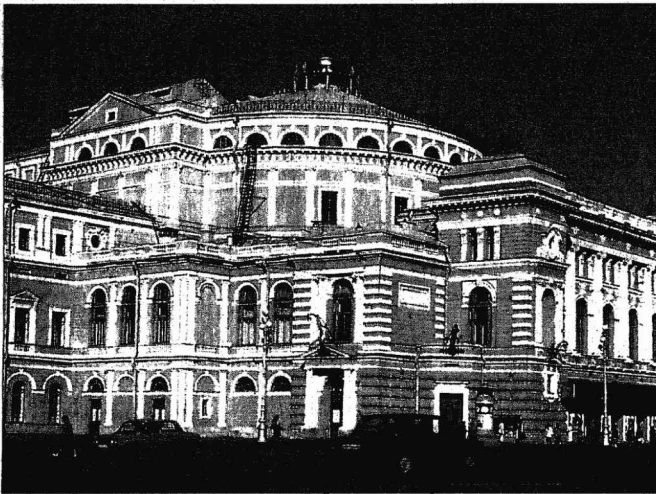

Право Большого Художника

Мариинский театр реконструируют.

Виктор КОСТЮКОВСКИЙ,
«Новые Известия»,
Санкт-Петербург

Говорят, мастер Валерий Гергиев не любит журналистов. Не знаю, не было случая испытать на себе, но верю коллегам. Причем относиться к этому спокойно, готов признать за ним (и за кем угодно другим) это право. Да мало того, готов даже в целом ряде случаев не только понять, но и разделить его чувства. Дело в том, что мастер Гергиев, вполне возможно, гений или во всяком случае Большой Художник (гениями все-таки называют поэтов). У таких есть свои, особые права, никакими конституциями не дарованные.

Зато права, дарованные конституциями, есть у всех. И обязанности тоже. И, как следствие, законы, правила, нормы, традиции. И вот наступил как раз тот момент, когда право Большого Художника вступает в противоречие, в конфликт с правами и нормами прочих. Ну во всяком случае многих прочих.

Речь о предстоящей реконструкции Мариинского театра. Мы знаем, как энергично, как попористо продвигает эту идею Валерий Абисалович. Чуть дело замедлилось, и он пошел... Чуть не сказал «ва-банк», а это неправильно, для него «ва-банк» — это совсем другое. А пошел он туда, где его послушали и решительно продвинули то, что, было, замедлилось. И вот уже в разных инстанциях, в том числе в Минкульхозразвития, в Смольном, рассмотрены и обсуждены проекты. И разгорается конфликт.

Во-первых, конфликт двух проектов — питерского и американского. Но это еще не самый большой конфликт, потому что «конфликтовать» откровенно слабому проекту с откровенно мощным не под силу. И Большой Художник, от которого все равно в конечном счете зависит окончательное решение, не скрывает своих симпатий к проекту блестящего современного зодчего Эрика Мосса.

Второй конфликт куда острее: между современностью, а скорее, даже футуризмом его проекта и патриархальностью места, где его предстоит воплотить. Место как в локальном смысле — Новая

Голландия, Крюков канал, так и в общем — Петербург же!

И еще нелегкий ряд конфликтов, абсолютно неизбежных, касающихся прав собственности (предстоит снести или перестроить и во всяком случае «отдать» театру целый ряд зданий), финансирования (но чтобы «отдать», надо переселить, а за чей счет?) и так далее. Однако это все как раз решается, даже финансы под имя Большого Художника найдутся.

Но вернемся к конфликту, который обозначили вторым, хотя он, конечно, первый. Именно здесь самое большое противоречие, в том числе и с законом. По мнению председателя комитета по охране памятников Явейна, проект Мосса противоречит нескольким пунктам российского законодательства. Но эта заповедка не помешала появиться в центре Питера целому ряду зданий, никаким боком не вписывающихся не только в архитектуру этого уникального города, но и вообще в архитектуру. Пример тактичного и смелого обновления можно привести, кажется, только один: это здание на Невском, 25, а вот обратных — газетой не хватит. Так что аргумент о законности или незаконности слаб, в крайнем случае, если Большой Художник пойдет пусть не «ва-банк», а поближе, может быть принято постановление правительства, изменяющее закон ради исключительного случая. Примеры есть, причем в случаях куда как менее исключительных — скажем, объездная дорога вокруг Питера полным ходом строится без... проекта.

Тут другое важно понять. А в чем сила, уникальность питерской архитектуры? Конечно, это город-памятник, город-музей, тут на каждый дом как на экспонат смотришь. Но разве все дома даже в историческом центре — шедевры архитектуры? В конце концов зданий под охраной давай больше, и это много, очень много. Но сколько зданий в центре всего? И разве все они образуют некий единый ансамбль? Есть несколько таких уникальных ансамблей, но не один же в размахе всего города. Когда питерские архитекторы гордятся, что в центре, мол, нет ни одно-

го современного здания, то непонятно, что они считают центром. Уродливые «Дома быта», один из которых, между прочим, недалеко от Мариинки, а другой на Разъезжей, среди «достоверных» мест, это тоже центр. Недавно возведенная «дирекция чемпионата мира по хоккею» на Фонтанке — опять же центр. Уж не говорю о каком-то стеклянном банке в начале Московского проспекта, почти на Сенной площади.

Если город только хранить, к чему призывает значительная часть культурной общественности, то жить в нем станет невозможно, да уже и сейчас очень трудно. Тогда этот город, во всяком случае центральную часть, надо укрыть коллаком и окончательно музеефицировать. Возможно, это и было бы хорошо, да только... невозможно.

Строить и перестраивать приходится. А коли уж так, то не лучше ли, в самом деле, «забавлять» в одном месте огромный гениальный проект, вместо того чтобы в десятках или даже сотнях маленьких местечек напичкать новорусское рококо в турецком стиле? И если архитектурная уникальность Петербурга как раз в том, что в нем некогда появлялось что-то именно уникальное, то, может быть, стоило бы продолжить именно эту линию?

Откровенно скажу, не знаю. Когда-то жил и работал в древнем городе, который я то время назывался Калининном, и тоже время от времени возникали такие же вопросы — о мере неизбежного сочетания старины с современностью. Спросил друга-архитектора, с кем бы посоветоваться по такому вопросу. Он ответил: «Я могу тебе назвать десятки два имени, да только к ним ко всем надо в гости за границу съездить. У нас архитекторов нет, у нас проектировщики...».

Ничего себе задачку завал по-роду, да и правительство, Большой Художник Валерий Гергиев в компании с другим Большим Художником Эриком Моссом! Предстоит ни больше ни меньше решить — довериться им или ограничить их в том самом праве, которое даровано им конституциями, а, по-видимому, Богом...

Новые Известия. — 2002. — 20 мая. — С. 1.